Ева Рейн

18+

Ева Рейн

На твоей частоте

«Автор»
2026

Рейн Е.

На твоей частоте / Е. Рейн — «Автор», 2026

Ей нужен был идеальный кадр. Ему — нужно было её спасти.Одри Хоторн — фотограф, которая видит красоту в хаосе. Аксель Росси — лидер рок-группы, который сам является этим хаосом.Их притяжение неизбежно. Их любовь — незаконна. Их тайна может разрушить всё.Когда прошлое Акселя врывается в настоящее, Одри придется выбрать: безопасная жизнь, которую спланировали для неё родители, или рука самого опасного парня в школе, ведущая её в никуда.Выпускной станет либо концом, либо началом войны.

© Рейн Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

аннотация 5
Знакомство 6
Искры и перегруз 8
Дневной свет и суровая реальность 13
Бензин и Шелк 16
Слушай, как я дышу 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Ева Рейн
На твоей частоте

аннотация

Аннатация

Ей нужен был идеальный кадр. Ему — нужно было её спасти.

Одри Хоторн — фотограф, которая видит красоту в хаосе. Аксель Росси — лидер рок-группы, который сам является этим хаосом.

Их притяжение неизбежно. Их любовь — незаконна. Их тайна может разрушить всё.

Когда прошлое Акселя врывается в настоящее, Одри придется выбрать: безопасная жизнь, которую спланировали для неё родители, или рука самого опасного парня в школе, ведущая её в никуда.

Выпускной станет либо концом, либо началом войны.

Всем привет. Меня зовут Ева Рэйн, и это моя первая книга. Честно говоря, я понятия не имею, как пишутся "правильные" предисловия. Наверное, нужно долго рассказывать о том, как я с детства мечтала стать писателем, сидя у окна под шум дождя. Но это было бы ложью. Я пишу не потому, что мечтала. Я пишу, потому что услышала историю, которая не давала мне спать. Историю о том, что любовь — это не всегда свечи и ваниль. Иногда это запах бензина, разбитые костяшки и страх, что завтра всё закончится. Герои этой книги — не святые. Они ошибаются, они грубят, они прячут свои чувства за сарказмом и кожаными куртками. Но, может быть, именно поэтому они настоящие. Я не буду просить вас судить меня не строго. Судите как считаете нужным. Просто перелистните страницу. Если история зацепит вас так же, как зацепила меня, — значит, я всё сделала правильно.

— Е. Р.

Знакомство

Семилетняя Одри ненавидела перемены. Переезд в новый район означал новые стены, которые еще не привыкли к ее шагам, и новых детей, чьи правила игры она не знала. Поэтому на большой перемене она не пошла к шумной толпе. Она нашла себе наблюдательный пункт у старой липы на заднем дворе.

В руках у нее был тяжелый, пахнущий пылью и лаком "Зенит", дедушкин подарок. Для остальных детей это был просто кусок старого металла. Для Одри — это был пропуск в другой мир, где люди не орали и не толкались. Она присела на корточки в самой гуще подорожника. Объектив был почти вплотную прижат к земле.

Цель: муравей. Черный, блестящий, тащивший на себе еловую иглу, которая была больше него самого.

Одри задержала дыхание. Палец замер на кнопке спуска. Она видела мир через рамку, и в этой рамке муравей был титаном, совершающим подвиг. Фон — размытые зеленые пятна. Главное — геометрия. Нужно поймать угол, под которым солнце пробивается сквозь траву, чтобы игла засветилась по краю.

— Эй, малявка, двигай!

Мир за рамкой взорвался. Топот десятка ног и оглушительный свист мяча. Одри даже не успела поднять голову. Она видела только, как в ее идеальный, выстроенный кадр влетает грязная, стоптанная обувь.

Мяч летел прямо в объектив. Стекло бы разлетелось вдребезги. Память деда превратилась бы в россыпь осколков.

Но мяч обогнала другая тень.

Это произошло быстрее, чем Одри успела испугаться. Кто-то сшиб мяч в сторону, изменив его траекторию одним точным, злым ударом. А затем тяжелая ладонь — гораздо больше ее собственной — с невероятной, пугающей точностью накрыла камеру сверху, прижав ее к земле, но не раздавив. Мяч просвистел в дюйме от ее макушки, осыпав волосы сухой землей.

Тишина наступила внезапно. Футболисты, подобрав мяч, умчались обратно к кочкам, решив, что едва не совершили убийство.

Одри осталась сидеть. Она не плакала. Она вообще не двигалась. Перед ее глазами была только эта чужая рука, закрывшая ее "Зенит". Рука была в ссадинах, с ободранным костяшком на мизинце.

Пальцы разжались.

Одри медленно подняла голову.

Над ней стоял мальчик. Он был на голову выше ее, хотя учился, кажется, в том же классе. Вихры темных волос падали на глаза, под которыми залегли тени — он выглядел так, будто не спал неделю. На щеке краснела свежая царапина. Он тяжело дышал, и ноздри его гневно раздувались, но смотрел он не на Одри, а вслед убегающим футболистам, словно жалел, что не успел врезать им по-настоящему.

Она перевела взгляд с его лица на камеру. "Зенит" был цел. Линза не треснула.

Одри аккуратно, двумя пальцами, сняла с передней линзы прилипший сухой лист.

— Ты испортил мне экспозицию, — сказала она ровным голосом. В ее мире это было страшнее, чем "ты чуть меня не убил". — Солнце ушло. Теперь контровый свет не тот.

Мальчик моргнул. Он явно ожидал визга, слез или того, что она побежит жаловаться учителю. Он перевел взгляд с ее абсолютно спокойного лица на камеру.

— Муравей ушел, — добавил он хрипло, заметив, куда она смотрела. — Испугался.

— Он вернется, — пожала плечами Одри. — Они всегда возвращаются по одной траектории. Это называется феромонный след.

Мальчик смотрел на нее еще секунду. А потом уголок его губ дрогнул в подобии улыбки. Он протянул ей руку — не чтобы помочь встать, а просто так.

— Пойдем, — сказал он. — Я знаю место за теплицей. Там тень до самого звонка. И мокрица. Она жирная, кадр будет отличный.

Одри вложила свою маленькую, перепачканную землей ладошку в его.

Так Аксель Росси научил Одри Хоторн тому, что иногда, чтобы спасти кадр, нужно просто выбить ногой мяч. А Одри научила Акселя тому, что у каждого хаоса есть своя траектория, нужно просто уметь ее увидеть.

Настоящее.

Одри сидела на полу своей комнаты, скрестив ноги. Вокруг нее были обувные коробки, набитые снимками.

Она держала в руках фотографию. На ней цвета выцвели до сепии. Смазанный, неудачный кадр: размазанный мяч, край ботинка, тень и муравей.

Дверь в комнату распахнулась без стука.

— Опять копаешься? — на пороге стояла Скай, ее лучшая подруга. В руках она держала банку энергетика, на шее болтались три овальных медальона. — Поехали. Ребята уже палатку в лесу ставят. Аксель грозился выкатить новую песню. Говорит, она рвет душу.

Скай плюхнулась на кровать, пружины жалобно скрипнули. Имя ударило Одри под дых. Она быстро сунула фотографию обратно в коробку и захлопнула крышку.

— Пусть рвет кому-нибудь другому, — Одри поднялась с пола, отряхивая джинсы. Ее движения стали резче, плечи — жестче. Маска "немного грубой" Одри защелкнулась на лице, как замок. — У меня на сегодня другие планы. Линзе нужна чистка.

— Опять ты за свое, — закатила глаза Скай. — Вы же в одном классе учитесь. Выдохни. Он просто парень с гитарой.

Просто парень с гитарой.

Одри отвернулась к окну, делая вид, что ищет ключи. За стеклом качалась верхушка старой липы.

Тот мальчик, который когда-то сшиб мяч на лету и знал всё о мокрице за теплицей, действительно стал просто парнем с гитарой. Старостой. Идеальным сыном, лучшим другом…

Он научил ее ставить себя на первое место. Он научил ее выживать.

И она скорее разобьет свой "Зенит" о стену, чем признается ему, что до сих пор ищет тот самый свет, который падает правильно.

Искры и перегруз

Пламя костра освещало низкое, темное небо, выхватывая из сумерек лица, которые Одри знала лучше, чем свое собственное. Пахло мокрой хвоей, дешевым пивом и сандалом. Скай отбивала босой пяткой ритм по старому пню, пока кто-то бренчал на расстроенной акустике "Blackbird". Это была их церковь. Место, где никто не спрашивал, кем ты хочешь стать, когда вырастешь, потому что здесь никто не собирался взрослеть .

Одри сидела на поваленном бревне, обхватив колени. Ее "Зенит" лежал рядом, холодный и тяжелый. Она смотрела не на огонь, а в абсолютную, непроглядную тьму за границей светового круга. Она ждала. Грэм всегда появлялся, когда веселье достигало пика, чтобы "спасать" ее от самой себя.

— Если ты сожмешь колени еще сильнее, у тебя родится как минимум гранитный булыжник, — Скай бесцеремонно плюхнулась рядом, протягивая банку ледяного сидра. На ее предплечье подсыхал рисунок хной — переплетение змей и звезд. — Ты сегодня на взводе. Пнешь костер — спалишь мне кеды.

— Жду проповедь, — Одри сделала глоток, не отрывая взгляда от темноты. — Грэм притащится с пакетиком органического чая и расскажет, как полезно инвестировать в пенсионный фонд.

Словно по сигналу, кусты на краю поляны раздвинулись. Грэм. Светлые джинсы, идеально чистая рубашка, в руках бумажный пакет из дорогой бакалеи. Он выглядел здесь так же уместно, как смокинг на пляже. Его взгляд скользнул по танцующим, по Скай, и наконец нашел Одри. Он улыбнулся своей "правильной" улыбкой и направился к ней, аккуратно переступая через протянутые ноги.

Прежде чем Грэм успел открыть рот, воздух разорвали первые аккорды.

Это не был случайный рев перегруза из леса. Это был их ритуал. Ребята вытащили аппаратуру ближе к огню. Аксель, Финн и Риз часто играли здесь, прямо посреди поляны, пробуя новые песни перед выступлением в клубе. Они смотрели на наши лица, как на датчики, выискивая ту самую искру — попала мелодия в сердце или прошла мимо.

Я подняла глаза от земли. Аксель стоял под старой елью, освещенный только всполохами костра. Он не смотрел на толпу. Он смотрел прямо на меня.

Его глаза... В янтарной, медовой глубине радужки плясали золотистые искры — отражение пламени, пойманное в плен. Взгляд был настолько тяжелым и пронзительным, что, казалось, между нами больше нет ни Скай, ни Грэма, ни даже метров сырого мха. Только он и этот свет.

И он запел.

Музыка ударила под дых. Я узнала эту песню. Узнала по тому, как болезненно сжалось горло. Это были те самые наброски, которые он показывал мне в своем потертом Молескине, когда мы прятались от дождя в гараже. Кривые строки, зачеркнутые аккорды и пометка на полях, сделанная его резким почерком: "Не закончено". Он врал. Он дописал ее. И сейчас он сжигал ее для меня на этом костре.

Сочетание его взгляда и этой мелодии было физически невыносимым. Каждая нота впивалась в кожу. Текст, который я считала просто потоком его мрачных мыслей, вдруг обрел плоть. Он пел не для тусовки. Он пел мне о том, что видит меня насквозь — мою броню, мой страх, мою ложь .

Земля ушла из-под ног. Я забыла, как дышать. Мне казалось, что если он сейчас моргнет, чары рухнут, и я снова окажусь в грязной реальности, где есть Грэм и его органический чай. Хотелось шагнуть в этот янтарный огонь его глаз и раствориться в гитарном дисторшне.

Хотелось, чтобы время остановилось. Чтобы Риз перестал отбивать ритм, чтобы Финн перестал качать басом. Чтобы исчез дым, холод и треск веток. Чтобы остались только его голос, разрывающий тишину, и этот невозможный, солнечный свет в его глазах.

Голос Грэма вырвал меня из транса, словно удар хлыста. Наваждение рассеялось, оставив после себя лишь звенящую пустоту в ушах и острое желание провалиться сквозь землю. Смотреть на Грэма не хотелось. Слушать его — тем более.

Я заставила себя поднять глаза и выдавила улыбку, которая, должно быть, выглядела как оскал. — Привет, Грэм. Как дела?

— Все хорошо. Давно пришла? Я тебя не видел.

Ну конечно. Он начнет именно с этого. Грэм был хорошим парнем. Слишком хорошим. Настолько стерильным, что, казалось, его гладили утюгом каждое утро. Он прибился к нашей тусовке недавно — подошел в школе, вежливо поинтересовался, чем я занимаюсь после уроков. Так он и узнал про поляну.

Мне было, в общем-то, все равно, пусть стоит. Но он был здесь чужим. Он смотрел на банку дешевого пива в моей руке с таким брезгливым отвращением, словно это была дохлая крыса. Его начищенные кроссовки, казалось, съеживались от соприкосновения с влажной землей.

— Да вот, недавно, — соврала я, чувствуя, как фальшиво звучит мой голос.

Взгляд сам собой метнулся в сторону, через его плечо. Туда, где под елью стоял Аксель. Он уже отвернулся от меня, снова надев маску фронтмена, и смотрел на толпу, лениво перебирая струны.

Я выдохнула. Тихо, разочарованно. Воздух застрял в легких колючим комком. Конечно. Он посмотрел на меня секунду, выжег дыру в душе этой песней, а теперь просто отвернулся, как ни в чем не бывало. Будто ничего и не было. Грэм что-то говорил про погоду, но его слова тонули в белом шуме. Я смотрела на профиль Акселя, освещенный костром, и чувствовала себя полной дурой.

Поднимая банку пива делаю глоток и перевожу взгляд на подругу сидящию рядом она понимает меня без слов встаёт рядом с грэмом

-Ну что грэм пойдём я познакомлю тебя тут со всеми

-Я хотел пообщаться с Одри -сказал он посмотрев на меня

Я сделала глоток теплого пива, пытаясь смыть вкус его песни с языка, и перевела взгляд на Скай. Она сидела рядом, обхватив колени, и смотрела на Грэма так, как энтомолог смотрит на редкого, но неприятного жука. Она понимала меня без слов. Не говоря ни фразы, она плавно поднялась, оказавшись между мной и Грэмом.

— Слушай, Грэм, — её голос звучал обманчиво сладко. — Ты же хотел узнать, как мы делаем те ловцы снов? Пойдем, я познакомлю тебя с Эваном, он в этом гуру. Покажу тебе поляну.

— Я вообще-то хотел пообщаться с Одри, — Грэм нахмурился, бросив на меня взгляд собственника. Ему не нравилось, когда его планы менялись.

— Я присоединюсь к вам буквально через минуту, — быстро вставила я, не глядя на него. — Нужно проверить настройки, свет уходит.

Я смотрела им вслед, пока они растворялись в полумраке. Скай уводила его прочь от костра, от меня, от Акселя. Она делала это каждый раз. Скай знала, кто мне нравится, и работала моим личным телохранителем, хотя постоянно твердила, что мне пора "перестать строить из себя статую" и попробовать с кем-то нормальным.

Но "нормальные" не приживались. Я пыталась. В прошлом году это закончилось катастрофой. Один парень... мы даже встречались пару недель. Он оказался редкостным куском дерьма. Когда мы расстались, он решил отомстить и начал трепать языком, расписывая всем, какая я "горячая штучка" в постели.

Из-за этого они подрались.

Финн потом рассказал мне, как это было: этот идиот открыл рот в раздевалке, а Аксель просто подошел и впечатал его лицом в шкафчики. — Он просто псих, Ри, — говорил Финн, прикладывая замороженный бургер к моему подоконнику вместо льда. — Он не стал слушать оправдания. Просто сказал: "Никто не смеет говорить о ней в таком тоне".

Я была против этого. Чертовски против. Аксель не должен был лезть. Он мог просто сказать мне — я бы сама выбила из этого идиота все зубы. Не хочу, чтобы из-за меня у него были проблемы.

Настроение окончательно рухнуло в бездну. Я сделала еще один долгий глоток. По телу разлилось приятное, обволакивающее тепло. Ноги стали ватными — похоже, я начинаю пьянеть.

Аксель всё ещё пел. Песня, написанная для меня в гараже, теперь разрывала дымный воздух поляны. Он не смотрел на меня — его янтарные глаза были прикованы к микрофону, но я чувствовала каждую ноту кожей.

Я подняла руку и показала ему большой палец.

Это был наш тайный код. "Я слышу. Это идеально. Я в порядке".

Он увидел. На долю секунды его голос дрогнул, споткнувшись на высокой ноте, а уголок губ дернулся вверх. Он понял.

Развернувшись, я, не оглядываясь, направилась в темноту леса, по пути захватив еще пива. Мне нужен был воздух. И нужно было уйти, пока я не совершила что-то непоправимое — например, не шагнула прямо в это янтарное пламя его голоса и не осталась там навсегда.

Я шла, пока свет костра окончательно не растворился в чернильной темноте. Лес сомкнулся вокруг плотной стеной. Остановившись там, где корни старого дуба образовывали естественное кресло, я тяжело опустилась на землю, привалившись спиной к шершавой, пахнущей прелью коре. Закрыла глаза, пытаясь унять дрожь в коленях.

Музыка стала глуше, превратившись в низкий, вибрирующий гул, но слова всё ещё пробивались сквозь толщу деревьев. Следующая песня. Я знала её. Я начала беззвучно подпевать, шевеля губами в такт.

Аксель всегда хотел быть на сцене. Я помню это так, словно это было вчера, хотя мы были мелкими. Мы сидели на крыше его гаража, болтая ногами, и он, стирая перепачканные руки о джинсы, чертил в воздухе схемы сцены. — Там будет свет, Ри, — говорил он, и его глаза горели. — Не как в школе. Настоящий, красный и синий. И я буду петь. А ты будешь стоять в первом ряду.

И я всегда верила ему. Безоговорочно. В старшей школе он познакомился с Финном и Ризом. Сначала они просто запирались в гараже, и стены дрожали от их сырого, неуклюжего звука. Первое время они играли только для нас — на таких же полянах, в грязи. Потом были тесные, прокуренные пабы, где единственным слушателем был полупьяный бармен, лениво протирающий стойку. Теперь они играют на разогревах, на закрытых вечеринках, их имена мелькают в списках местных лейблов. Они следуют за своей мечтой.

Но так и продолжают играть для нас здесь. Не знаю почему. Наверное, им уже и не нужна наша реакция — они переросли этот дворовый уровень. Но играть они продолжают. Это их обещание. Мне.

Гитарный рев внезапно оборвался. Наступила звенящая тишина, в которой стал слышен только треск остывающего костра и ночные птицы. Через пару минут тишину снова разорвал звук, но уже другой — сухой, ритмичный бит из автомобильных колонок. Ребята закончили. Они собирают провода в чехлы.

Они редко остаются после. Свернут аппаратуру, прыгнут в свои машины и растворятся в ночи, оставив после себя только запах табака и перегоревших ламп.

Руки сами потянулись к карману рюкзака. Пачка сигарет, спрятанная на самом дне, под пленкой и объективами. Ребята не знают, что я курю. Для них я — правильный фотограф, который пьет травяной чай. Я делаю это редко, почти тайком, но сейчас легкие просто требовали никотина.

Щелчок зажигалки прозвучал в тишине леса неестественно громко. Оранжевый огонек на секунду выхватил из темноты мох. Я сделала глубокую затяжку, выпуская дым в холодный воздух. Он обжег горло, но голова стала чуть яснее. Я закрыла глаза, снова прислонившись затылком к дереву, и слушала, как вдалеке заводится мотор.

Вдалеке хрустнула сухая ветка. Звук был слишком тяжелым для лисы или птицы. Я инстинктивно напряглась, и в ту же секунду чья-то сильная рука вырвала сигарету прямо из моих пальцев.

Взглянув вверх, я встретилась с янтарным взглядом Акселя. Он не выглядел злым. Скорее — изучающим. Он присел на корточки передо мной, так что наши лица оказались на одном уровне. Несколько секунд он молча переводил взгляд с сигареты, зажатой между его пальцами, на меня. Словно взвешивал что-то. Затем молча встал, тяжело опустился на землю рядом и сделал глубокую затяжку.

Я изогнула бровь. — Не знала, что ты куришь.

— Захотел попробовать, — хрипло ответил он, выпуская дым в сторону. — Хрень полная. Теперь я официально понимаю, почему ты вечно пахнешь как пепельница. Никакой романтики, просто рак легких. Он щелчком отправил окурок в темноту кустов и повернулся ко мне. Его лицо было серьезным. — И давно? — вопрос прозвучал тихо, но требовательно. Он смотрел мне прямо в глаза, и я знала: он видит ложь насквозь.

— Да нет, решила попробовать, — соврала я, отводя взгляд. Он долго молчал, просто глядя на меня. — Почему ты не уехал с ребятами? — спросила я, чтобы сменить тему.

— Пришел за тобой. Решил отвезти до дома, — он пожал плечами, и уголок его губ дернулся в привычной кривой усмешке. — Тем более, что мне тут еще делать? Играть мы закончили. Финн пытался съесть кабель, Риз уснул в багажнике. Скучно.

— Знаешь, сюда приходят не только из-за вас, — фыркнула я.

— Не думаю. Когда мы начали играть, народу стало приходить всё больше.

— Не уверена, что из-за вас. Вот Грэм сегодня пришел из-за меня.

— Этот прилипала, — Аксель мгновенно помрачнел, его плечи напряглись. — Ему тут не место. Если он еще раз принесет сюда свой соевый латте, я заставлю его выпить воду из лужи. Он встал одним плавным движением и протянул мне руку. Ладонь была теплой и жесткой. — Пошли. Завтра пора на учебу, а мне еще нужно успеть поспать и выглядеть как человек, а не как жертва лесного пожара.

— Да, только нужно забрать Скай...

— Она просила передать, что уедет сама. С каким-то парнем... То ли Тод, то ли...

— Его зовут Теодор, — вздохнула я, вкладывая свою руку в его. Его пальцы тут же сомкнулись вокруг моих.

Мы пошли к его машине в тишине. Мы сели внутрь. Он украдкой бросал на меня взгляды, пока выезжал с грунтовой дороги на асфальт. Я смотрела в окно, делая вид, что меня очень интересуют кусты.

— Смотри на дорогу, — тихо сказала я.

— Расслабься, — он фыркнул. — Если я врежусь в дерево, это будет даже забавно. Напишут в газете: "Местный рокер и его личный фотограф погибли из-за плохого вкуса Грэма". Хоть какая-то слава.

Я не выдержала и прыснула от смеха. — У тебя мания величия, Росси. "Местный рокер". Звучит как тот парень, который поет в переходах про грустных котиков.

— Эй! — он толкнул меня локтем в плечо, но в его глазах плясали чертики. — Мои песни про грустных волков. Это совершенно другой уровень экзистенциального ужаса. И вообще, кто-то тут недавно чуть не расплавился от его голоса. Я видел, как ты показывала мне палец. Решила записаться в группу поддержки?

Я почувствовала, как краснею, и отвернулась к окну, пряча улыбку. — Просто оценила вокальные данные. Тебе стоит взять его на подпевки. "Дуэт Грэма и Акселя: Симфония брокерского счета". Звучит как хит.

Он громко расхохотался, и напряжение, повисшее в машине, наконец лопнуло. — Всё, молчу. Боюсь, твой сарказм токсичнее моего пассивного курения. Пристегнись, принцесса, везу тебя в твой хрустальный замок, пока ты не отравила весь салон.

Дневной свет и суровая реальность

Будильник начал орать, словно его пытали. Одри начала искать его, яростно водя рукой по тумбочке, скидывая на пол пустые баночки от пленки. Ничего не вышло. Пришлось сесть на кровати и начать слепо шарить взглядом по полу. 7:30. До выхода оставался час.

Тяжело вздохнув, она поплелась в ванную.

Ванная встретила её ледяным кафелем. Одри включила холодную воду и плеснула в лицо, пытаясь смыть усталость и привкус вчерашнего дешевого пива. Из зеркала на неё смотрело привидение. Глаза опухшие, волосы стоят дыбом, а от кожи всё еще пахнет дымом. Она быстро оделась в первое, что попалось под руку — черные джинсы и растянутый серый свитер, который, кажется, не стирали со времен распада Nirvana, — и выскочила из дома.

Школьный коридор ударил по ушам гулом голосов и звоном колокольчика. После первобытной тишины леса это место казалось пластиковым макетом. Одри прижала рюкзак к груди, пытаясь пробиться к своему шкафчику, когда перед ней, словно из ниоткуда, возник Грэм.

Сегодня на нем была свежая рубашка, а в руках — два картонных стаканчика. — Я волновался, когда ты вчера исчезла, — начал он без предисловий, протягивая ей кофе. — Этот лес — небезопасное место. Там могут быть бродячие собаки. Или... люди. Я читал статью.

Одри взяла стаканчик только для того, чтобы он перестал совать его ей в руки. Пальцы тут же обожгло — она забыла, что у него нет картонного манжета. — Всё в порядке, Грэм. Я была со Скай.

— Я знаю. Я звонил Скай, — он сделал шаг ближе. Теперь он стоял так, что загораживал ей путь к шкафчику. Его поза, еще вчера казавшаяся просто вежливой, сегодня выглядела как захват территории. — Я просто хочу, чтобы ты была в безопасности. Ты вчера ушла так внезапно... Это было грубо, Одри. Я принес тебе кофе. Специально попросил без сахара, как ты любишь.

Он улыбнулся своей "правильной" улыбкой. Одри захотелось сделать шаг назад, но за спиной был холодный металл шкафчика. Он положил руку на дверцу над её головой, словно вешая табличку "Занято". — Я просто хочу, чтобы ты была в безопасности, — повторил он тише. — Вечером я заеду за тобой. Мы могли бы поехать в то новое кафе в центре. Там тихо.

Воздух стал густым. Она чувствовала запах его одеколона — стерильный, как в больнице. Она открыла рот, чтобы снова выдавить вежливую ложь, но слова застряли в горле. Она чувствовала себя мухой, попавшей в смолу.

— Доброе утро, школа.

Голос Акселя прозвучал как выстрел в тишине. Одри вздрогнула. Он стоял в паре десятков метров, в конце коридора, рядом со своим шкафчиком. С ним был Финн. Они о чем-то тихо спорили, и Аксель смеялся — тем самым редким, хриплым смехом, который она слышала только в гараже или в машине. На нем была кожаная куртка, застегнутая под горло, и вчерашняя усталость никак не отразилась на его лице. Он выглядел хищным и абсолютно живым.

Их взгляды встретились через толпу снующих учеников. Аксель улыбался Финну, но в ту секунду, когда его глаза нашли Одри, а затем — руку Грэма, лежащую над её головой, — его тело напряглось. Смех исчез. Он перестал быть фронтменом. Он стал тем парнем, который молча ломает гитары, когда что-то идет не по плану.

Одри почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Она в панике посмотрела на Акселя, пытаясь без слов закричать: "Не надо. Пожалуйста. Только не здесь". Но он уже не смотрел на неё. Он смотрел на Грэма. И он уже шел к ним.

Он не бежал. Он просто рассекал толпу своим широким шагом, и люди инстинктивно расступались. Финн что-то крикнул ему вслед, но Аксель даже не обернулся.

— Всё в порядке? — спросил Грэм, наконец заметив её бледность. Он убрал руку со шкафчика и повернулся, явно довольный собой.

Аксель остановился в шаге от них. Он не произнес ни слова угрозы. Просто достал из кармана куртки помятую пачку сигарет, медленно вытащил одну и постучал фильтром о ноготь. Затем перевел взгляд с Грэма на стаканчики с кофе.

— Латте? — ровным голосом спросил Аксель. — С обезжиренным молоком, без сахара? И бумажный стаканчик. Грэм, ты пытаешься убить Одри своей экологичностью? От твоего соевого молока у неё, кажется, уже началась аллергическая реакция. Смотри, как побледнела.

Грэм вспыхнул, но попытался сохранить лицо. — Мы просто разговаривали, Росси. Не лезь не в свое дело.

— Мое дело начинается там, где заканчивается её кислород, — Аксель щелкнул дешевой зажигалкой, но прикуривать не стал. Он просто смотрел на Грэма поверх огонька. — Слушай сюда, Грэм. Ты хороший парень. Слишком хороший для этого леса. Ты пахнешь как новый автомобиль и утренний выпуск новостей. Ей здесь скучно с тобой. Она задохнется от твоего парфюма и разговоров о пенсионных накоплениях. Так что иди, покоряй Уолл-стрит. Оставь нам наш дым.

Он сделал шаг в сторону, открывая Одри вид на её шкафчик, и сделал приглашающий жест рукой — мол, проходи. Это было сказано тихо, с улыбкой, но в этой улыбке было меньше тепла, чем в глыбе льда. Это было вежливое, абсолютное уничтожение.

Грэм посмотрел на Акселя, потом на её лицо. Он понял, что проиграл, даже не вступив в драку. Его "правильная" улыбка дрогнула. — Я... я просто хотел помочь.

— Ты помог, — кивнул Аксель. — Ты принес кофе. Можешь оставить его себе, согреешься по дороге в банк. Иди.

Грэм сглотнул, кивнул Одри и быстро ретировался, растворившись в толпе. Аксель проводил его взглядом, затушил сигарету, даже не закурив, и убрал её обратно в пачку. Затем он перевел взгляд на Одри. Его лицо разгладилось, превращаясь в маску привычного, чуть насмешливого спокойствия.

— Ри, — его голос потеплел ровно на полградуса. — У тебя химия? Мы опаздываем. Финн, иди в класс, скажи, что я заболел чумой.

Он протянул руку. Не для того, чтобы помочь, а чтобы взять её за локоть. Его пальцы сомкнулись на её руке — стальные, горячие, не терпящие возражений. Он не спрашивал. Он ставил перед фактом.

Одри, всё еще находясь в ступоре от его ледяного спокойствия, послушно сделала шаг вперед. Он буквально оторвал её от шкафчика и от Грэма, увлекая за собой по коридору. Она успела бросить последний взгляд назад. Грэм стоял посреди коридора с двумя остывающими стаканчиками кофе, выглядя так, словно его только что сбил невидимый поезд.

Они ввалились в кабинет химии за секунду до звонка. Учитель, мистер Флетчер, поднял на них глаза поверх очков. — Росси. Хоторн. Какая пунктуальность. Почти. Садитесь.

Одри рухнула на свой стул, пытаясь унять дрожь в коленях. Она швырнула рюкзак на парту и повернулась к Акселю, который как ни в чем не бывало доставал свою тетрадь. — Ты с ума сошел? — прошипела она, стараясь, чтобы учитель не слышал. — Ты его уничтожил. Просто... морально кастрировал.

— Я был вежлив, — Аксель пожал плечами, открывая тетрадь на схеме педали дисторшна. — Я просто дал ему совет по стилю. Парень пьет теплое молоко. Он не выживет в наших джунглях.

— Ты ужасный человек, — выдохнула Одри, но злости не было. Было только странное, звенящее чувство в груди.

— Знаю, — он наконец посмотрел на неё, и в его глазах плясали те самые чертики, что и утром. — Но зато теперь ты можешь спокойно дышать. Не благодари.

Он всё ещё держал её за локоть. Одри попыталась незаметно пошевелить рукой, чтобы сбросить её, но Аксель не шелохнулся. Он продолжал смотреть на доску, делая вид, что внимательно слушает про ковалентные связи, но его ладонь оставалась на её руке — тяжелая, горячая и абсолютно собственническая.

Одри замерла, боясь дышать. Химия бензола была последней вещью, о которой она могла сейчас думать.

Бензин и Шелк

Школа — это аквариум. Стеклянные стены, искусственный свет, люди, плавающие по заданным траекториям. Я ненавижу это место. Моя настоящая жизнь начинается, когда звенит последний звонок.

Я сижу в кабинете химии, но молекулы бензола — последнее, что меня волнует. Я смотрю на профиль Акселя. Он сидит через парту от меня, потому что мистер Флетчер пересадил нас за "плохое поведение". Под "плохим поведением" подразумевается то, что я нарисовала на его учебнике схему гитарного усилителя, а он в ответ прилепил мне на спину стикер "Я люблю ню-метал".

Он не слушает учителя. Он крутит в пальцах мой медиатор, который я обронила утром. Взгляд расфокусирован. Он не здесь. Он в гараже.

Слева от меня тяжело вздыхает Скай. Она пинает меня под столом. — Если ты проткнешь его взглядом, дырка в голове не поможет ему сдать зачет, — шепчет она. — Хотя... может, это и к лучшему. Меньше народу — больше кислорода в лесу.

— Заткнись, Скай, — цежу я, не отрывая глаз от Акселя. — О, смотрите, Хоторн снизошла до слов! — Скай театрально прижимает руку к груди. — Я думала, ты общаешься только феромонами и жестами глухонемых.

Я показываю ей средний палец, не поворачивая головы. Скай смеется и открывает свою тетрадь.

Я достаю "Зенит" из-под стола. Снимаю крышку объектива. Я ловлю отражение Акселя в темном стекле вытяжного шкафа. Свет из окна падает на его лицо, высвечивая только скулу и линию челюсти. Щелчок затвора тихий, почти интимный.

— Хоторн! — голос мистера Флетчера бьет по ушам. — Если вы с Росси закончили фотосессию, может, соизволите написать формулу?

Аксель даже не вздрагивает. Он медленно поворачивает голову, смотрит на меня, и уголок его рта дергается в усмешке. Он кивает на мою парту. Я опускаю глаза. Пока я смотрела на него, я вывела на листе огромную формулу $C_8H_{10}N_4O_2$. Кофеин.

— Очень остроумно, — фыркает Скай, заглядывая в мою тетрадь. — Ты еще нарисуй там печеньку. Или ты уже, просто она выглядит как пятно от кофе?

Аксель беззвучно смеется, отворачиваясь обратно. В этот момент наши колени под столом соприкасаются. Он не убирает ногу. Просто оставляет её там, тяжелую и теплую, как якорь.

— Так, — мистер Флетчер хлопает в ладоши. — Лабораторная. Меняем партнеров. Хоторн, пересядьте к... Грэм, вы свободны?

Я замираю. Грэм. Тот самый Грэм с его соевым латте и разговорами о "безопасности". Он уже вскочил со своего места и сияет, как начищенный самовар.

Аксель, который секунду назад выглядел расслабленным, напрягается. Я чувствую это даже спиной. Его колено, лежавшее рядом с моим, каменеет. Он медленно, очень медленно поднимает взгляд на Грэма.

Грэм уже почти дошел до моей парты, протягивая руку к моему стулу. В ту же секунду стул Акселя с оглушительным скрежетом отъезжает назад. Он встает во весь свой огромный рост прямо за моей спиной. Он не смотрит на Грэма. Он просто есть там.

Грэм замирает. Его рука, тянувшаяся к стулу, повисает в воздухе. Он смотрит на затылок Акселя. Смотрит на его плечи, которые сейчас кажутся шире дверного проема. Улыбка сползает с лица Грэма. Он сглатывает. — Я... я, пожалуй, сяду с Финном, — мямлит Грэм и пятится назад.

Аксель не двигается. Он стоит так еще секунду после того, как Грэм сбежал. Затем он медленно опускается обратно на стул. Его колено снова находит мое, но теперь оно дрожит. От едва сдерживаемой ярости.

Он даже не посмотрел на меня. Он просто снес угрозу с доски одним своим присутствием. Я смотрю на его профиль. На то, как тяжело он дышит. Скай толкает меня в бок. — Ну что, — шепчет она с восторгом. — Твой личный телохранитель только что спас тебя от смертной скуки. С тебя процент.

Гараж пахнет озоном, дешевым пивом, которое притащил Риз, и раскаленной пылью от ламп усилителей. Это запах дома.

— Еще раз, — рычит Аксель, не отрывая взгляда от струн. — На второй четверти ты лажаешь, Риз. Ты делаешь "бум-ТС", а надо "бум-ПС". Это соул-рок, а не дискотека в сельском клубе.

— Может, мне просто играть тише? — огрызается Риз, вытирая пот со лба.

— Тише — это для Грэма и его библиотеки, — Финн, сидящий на ящике с кабелем, лениво перебирает струны басухи. — А мы — банда. Мы должны звучать как товарный поезд, который сходит с рельсов. Красиво и страшно.

Я сижу на капоте "Импалы" Акселя, поджав ноги. Это мое место. Трон наблюдателя. Я здесь, чтобы ловить свет. Сейчас он идеальный: пыльные лучи из единственного окна прорезают сигаретный дым, и Аксель в этом луче выглядит как обложка журнала.

Дверь гаража со скрипом открывается, впуская порыв холодного ветра. — О, смотрите, кто соизволил явиться, — тянет Финн. — Женщина, которая портит нам статистику по пиву.

Скай закатывает глаза, пинком закрывая дверь. — Засунь свою статистику себе в... бас, Финн. Я здесь только потому, что там Риз начал настраивать барабаны, и я подумала, что это вторжение инопланетян.

Она плюхается на старую покрышку рядом со мной, достает из кармана косячок и вопросительно смотрит на Акселя. Он кивает, не прекращая играть. Скай ухмыляется, прикуривает и выпускает дым в потолок.

— Господи, какой же ты скучный, Росси, — говорит она, затягиваясь. — "Бум-ТС", "бум-ПС"... Я чуть не уснула. Сыграй что-нибудь, где можно умереть. Хочу почувствовать себя живой.

— Ты и так живая, — бурчит Аксель. — Слишком живая. От тебя у меня мигрень.

— Это не мигрень, это любовь, — Финн наконец откладывает бас и потягивается. — Просто твое сердце не справляется с таким уровнем сексуальности, когда я рядом.

— Твое эго занимает весь гараж, Финн, — отвечаю я. — Вытри его, пожалуйста, места и так мало.

— Я не эго, я — атмосфера, — он подмигивает Скай. — Привет, детка. Твои глаза цвета "я-вызову-копов-но-сначала-дам-номер". Это законно?

Скай фыркает так, что чуть не роняет косячок. — Финн, если ты сейчас же не перестанешь, я расскажу Одри, как ты плакал в девятом классе, потому что уронил пиццу пепперони. Сыром вниз.

— Это была клевета! — возмущается Финн. — Это была тактическая посадка сыра! И вообще, я был пьян.

— Ты был в истерике, — поддакиваю я.

— Предатели, — он прижимает руку к сердцу. — Кругом враги. Ладно, Одри, спасай меня. Скажи что-нибудь умное, чтобы я снова почувствовал себя ничтожеством.

— Твоя прическа — уже достаточно умное замечание о состоянии мира, — говорю я, делая глоток выдохшегося пива.

Скай смеется, падая мне на плечо. — Я обожаю вас, психи. Серьезно. Если бы не вы, я бы уже работала в банке и улыбалась людям, которые хотят кредит под 40%.

Внезапно шум обрывается. Аксель перестал играть. Мы все замолкаем, глядя на него. Он сидит, опустив гитару на колени, и смотрит на свои руки. Лицо у него... странное. Не злое. Пустое.

— Что? — спрашивает Финн. — Опять я взял не тот аккорд? Да там три ноты, блин!

Аксель качает головой. Он встает, подходит ко мне и садится на капот рядом. Так близко, что наши плечи соприкасаются. Он берет мою руку, ту, в которой банка, и забирает её. — Просто... — он смотрит на Скай, потом на Финна. — Просто рад, что вы здесь.

Скай театрально стонет. — Фу, Росси, не начинай. Я сейчас заплачу, и тушь потечет. А она, между прочим, стоит как твой комбик.

Но я вижу, как она улыбается краем рта. Финн только пожимает плечами, снова берясь за бас. — Любовь — это болезнь. Одри, следи за ним, чтоб не чихнул на аппаратуру.

Аксель начинает играть. Но это не наш обычный шум. Это медленная, тягучая мелодия. Чистая, без перегруза. Он играет не для Финна, не для Риза. Он играет для нас троих.

Скай затихает. Она смотрит на него, и в её глазах, обычно полных яда, появляется что-то очень мягкое. — Мать моя женщина, — шепчет она мне на ухо. — Он же сейчас реально поет про нас, да?

— Заткнись, Скай, — шепчу я в ответ, чувствуя, как к горлу подступает комок.

— Я не хочу, чтобы ты была стабильной, — вдруг говорит Аксель, продолжая перебирать струны. Его голос звучит хрипло и непривычно громко в тишине. — Я хочу, чтобы ты сжигала дотла всё, к чему прикасаешься. Как сейчас.

Скай театрально падает в обморок прямо на покрышку. — Я сейчас умру, — стонет она из-под пепла. — Меня убил бард. Одри, отомсти за меня. Скажи, что у него грязные ботинки.

Я смеюсь, но смех выходит дрожащим. Я толкаю Скай в бок. — У него всегда грязные ботинки. Это часть его обаяния.

— Самая страшная часть, — соглашается Скай, садясь. — Ладно, Ромео. Песня красивая, но если ты не перестанешь смотреть на неё такими глазами, я начну брать с вас плату за вход в этот театр одного актера.

Аксель наконец улыбается — той редкой, настоящей улыбкой, которая только для нас. Он заканчивает аккорд, и звук медленно затухает в гараже.

— Риз, — говорит он, возвращаясь к своему обычному тону. — Ты всё еще лажаешь. Начали.

Гараж снова взрывается шумом. Риз бьет по тарелкам, Финн качает бас. Но я всё ещё чувствую тепло руки Акселя на своей. И смотрю на Скай. Она подмигивает мне и показывает большой палец.

В этом дыму, в этом шуме и в этом бардаке — мы дома.

Слушай, как я дышу

Дом встречает меня тишиной. Не уютной, а звенящей, как стекло перед взрывом. Я бросаю рюкзак в прихожей — он с грохотом приземляется на пол. Мне плевать. Пусть орут.

— Опять? — голос матери доносится из кухни. Она даже не выходит, просто знает звук моего возвращения. Я не отвечаю. Скидываю мокрую куртку на пол. Рукав цепляется за косяк, оставляя грязный след. Мне плевать.

В моей комнате пахнет старыми струнами и разочарованием. Я сажусь на край кровати и достаю гитару. "Gibson" ложится в руки привычно, как продолжение тела. Я не включаю усилитель. Я просто начинаю играть — тихо, перебором, чтобы не было слышно за дверью.

Отец. Его голос до сих пор стоит в ушах. "Стабильность, Аксель. Это всё, что имеет значение. Твои... репетиции... это хобби. Хобби не платят за ипотеку. Я не для того вкалывал по 14 часов, чтобы мой сын стал клоуном в баре". Он не кричал. В этом и ужас. Он говорил ровно, как на совете директоров. Он смотрел на меня, видел мою кожаную куртку, гитару, и видел ошибку. Ошибку в чертеже идеальной жизни.

Я ненавижу это слово. Стабильность. Оно звучит как "смерть". Я смотрю на свои руки. Они созданы для того, чтобы рвать струны и ломать носы идиотам, а не чтобы перебирать бумажки.

Телефон вибрирует на столе, заставляя меня вздрогнуть. Одри: "Гараж. 18:00. Риз притащил какую-то дрянь, сказал, это эль. Финн пытается его выпить. Спасай".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.